

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ДОМА В СЛАВЯНО-БАЛКАНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Н. И. Пашкова

Киевский национальный лингвистический университет

Поступила в редакцию 16 декабря 2014 г.

Аннотация: в статье предложена попытка реконструировать с помощью современных когнитивных методик изначальные представления о доме у народов славяно-балканского ареала на основании анализа символических образов в фольклоре, поверьях, загадках. В результате сделаны выводы об изоморфизме концепта дома в славяно-балканской картине мира.

Ключевые слова: категоризация, концепт дома, семантические оппозиции, славяно-балканская картина мира.

Abstract: the article presents an attempt to reconstruct the original Slavic-Balkan idea of home. The research employs modern cognitive techniques and is based on the analysis of symbolic images in folklore, beliefs, riddles. The analysis demonstrates conceptual isomorphism of home in Slavic-Balkan world picture.

Key words: categorization, concept of home, semantic opposition, Slavic-Balkan worldview.

Когнитивный взгляд на категоризацию основан на идее классика когнитивистики Дж. Лакоффа о том, что способность человека категоризировать связана с его опытом и воображением, особенностями восприятия, культурой, а также со способностью создавать образы, ассоциации, метафоры, метонимии. Таким образом, ментальная процедура категоризации опирается на опыт и воображение человека, с одной стороны, и свойства метафоры, метонимии, ментальной образности – с другой [1, с. 147]. Безусловно, процесс категоризации не отражает объективное строение Вселенной, он субъективен, антропоцентричен, детерминирован ограниченностью человеческой возможности отражать действительность, его культурным и социальным опытом. Механизм категоризации есть понимание нового через уже известное и структурирование картин мира посредством обобщений.

В современной лингвокогнитивистике категоризация трактуется как базовый когнитивный процесс, с помощью которого человек структурирует свой ментальный мир, как познавательная операция, призванная классифицировать объекты на основании общих параметров. Будучи способом обобщения и организации опыта познания человека и его практической деятельности, категоризация коррелирует с процессом систематизации путем механизмов сравнения, сопоставления, идентификации, отождествления, иерархизации, моделирования на основании гипо-гиперонимического принципа [2, с. 42]. Категоризация – это механизм мышления, предусматривающий классификационную, таксономическую дея-

тельность номинатора, объединение предметов и явлений в соответствующие классы как рубрики опыта, сформированные в познавательной деятельности человека. В процессе категоризации объект выделяется из информационного потока на основании отнесения его к определенному классу [3, с. 151]. Познавая мир, человек расчленяет поток информации на дискретные единицы, что позволяет ему ориентироваться в действительности, придавая ей временную стабильность, структурированность и тем самым осмысленность [4, с. 81].

Е. С. Кубрякова подчеркивает, что категоризация мира – это результат когнитивной деятельности человека, классификации отдельных единиц окружающего мира, когда конечным итогом оказывается формирование особенной категории, что позволяет увидеть мир в главных атрибутах его бытия и функционирования [5, с. 64–65].

В когнитивистике культура рассматривается как депозитарий человеческих когнитивных категорий, через которые реализуется процесс познания. А. Я. Гуревич определяет культурные категории как ментальные единицы, конструирующие модель мира, как сетку координат, с помощью которой люди воспринимают действительность и структурируют образ мира в своем сознании [6, с. 15]. Если воспринимать культуру как структуру смысловых образований, то категоризация играет в этом процессе ключевую роль.

В когнитивной лингвистике описание семантики объекта существенно отличается от традиционного лексикографического. В содержательном плане категоризация ориентирована на граничную космологизированность сущего и тем самым на соответствие

основным параметрам Универсума – хронотопным, каузальным, квантитативным, квалитативным, персональным, функциональным, акциональным и т.д. Для презентации этого сложного, неоднозначно организованного комплекса выработан простой в своей универсальности способ – система бинарных оппозиций. Их набор, как правило, содержит 10–20 пар противоположных позитивных и негативных признаков. Эти оппозиции связаны: 1) со структурой пространства – *тут/там, верх/низ, вертикаль/горизонталь, право/лево, север/юг, этот/тот свет, далеко/близко* и т.п.; 2) со структурой времени – *день/ночь = свет/тьма, лето/зима, начало/конец, рождение/смерть*; 3) с цветом – *белый/черный, светлый/темный* и т.д.; 4) с человеком в его социологических, возрастных, генеалогических, этических и др. категориях – *свой/чужой, мужской/женский, близкий/далекий, внешний/внутренний*. Как видно, категории разных уровней могут переплетаться, перекрещиваться, создавая ассоциативные и др. связи, например, пространственные и социальные (*близкий/далекий, внешний/внутренний*). Все левые и все правые члены оппозиций также образуют единства, отношения между которыми могут описываться с помощью оппозиций высших уровней, еще более обобщенных. На основании этих бинарных противопоставлений конструируются универсальные знаковые комплексы, реализующиеся в различных кодовых системах. Так формируется астральный, вегетативный, зооморфный, антропоморфный, колористический, нумеральный, музыкальный, одористический, гастрономический и прочие культурные коды. Существование различных кодов, каждый из которых действует в своей области, становится возможным в виде иерархического гипо-гиперонимического подчинения на основании их внутреннего единства. Содержательное единство картины мира обеспечивается возможностью перехода с одного кода на другой. Единство этого сложного комплекса на семантическом уровне обеспечивается тем, что всегда описывается один и тот же объект – окружающий мир с точки зрения одного и того же субъекта – человека. Установление оппозиций как способа описания приводит к пониманию, что над семантическим разделением, контрастом существует высшее единство, превращающее противопоставленные члены оппозиции друг в друга, что позволяет находить новые разноуровневые связи в строении мира [7, с. 6, 51, 75].

Категориальные оппозиции служат дифференциальными признаками, комбинации которых позволяют описать любой объект или любую семантику модели мира. Фактически категоризация подобна игре в отгадывание задуманного слова путем выяснения ответов на вопросы: *материальное/нематериальное,*

живое/неживое, стабильное/подвижное, съедобное/несъедобное и т.д.

Чрезвычайно ценный материал для осмысления категоризации, метафоризации, символизации окружающего мира представляет фольклор, насыщенный глубокими этнокультурными символами. Т. В. Цивьян реконструировала образ дома в балканской картине мира на материале загадок [8, с. 78]. Загадка метафорически презентует объект на основе его наиболее скрытых и неожиданных признаков и ассоциаций, в силу того что построена с помощью логической операции сравнения, уподобления, противопоставления, в ходе которых раскрываются глубинные (а на поверхности едва не абсурдные) связи предметов и явлений, основанные на идиоэтнической культурной традиции. Ниже на основе славяно-балканского фольклорного материала представляется образ дома в концептуально-фреймовой организации.

Предметность. Дом и оппозиции физического пространства

Верх/низ, внутри/снаружи

В мире человека дом есть точка отсчета, центр антропоцентричного мира, что иллюстрируют укр. паремии: *від рідного порогу* «от начала жизни» (тут также реализуется партитивный фрейм *целое/часть*); *аж хата трястеться* «очень сильно», *хоч з хати тікай* «невыносимо» [9, с. 921], рум. *a se înverti casa cu cineva* «кружится голова» (досл. «кружится дом») [10, с. 71], венг. *Nehogy szó érje a ház elejét* «чтобы не наговорить лишнего» (досл. «чтобы начало слова не достигло начала дома»).

Дом объединяет небо и землю. Дом стоит на земле, будучи связанным с человеком, т.е. принадлежит низу. Однако с другой стороны, дом возвышается над землей, размещается между землей и небом. Дом выпускает человека наружу и тем самым связывается с внешним миром и верхом.

Внутренний/внешний (дома/на дворе)

Поскольку дом образует самостоятельное замкнутое пространство (емкость, контейнер) в необъятной Вселенной, он приобретает признаки внутреннего пространства. На вербальном уровне это выражается отождествлением оппозиций *внутри/снаружи* и *дома/на дворе*: *вдома сніг іде, а надворі ні* (просеивание муки); *вдома сумирний, а надворі буйний* (молодое вино); *солома всередині горить, дім зовні не горить* (табак и трубка); *у поле (в ліс) з дому іде – додому дивиться, додому іде – у ліс дивиться* (ружье, топор); *половина вдома – половина надворі* (корнеплоды).

Упомянутая семантика зачастую выражается партитивами – обозначениями границ дома: *порогом, дверью, стенами, крышей*. Э. Бенвенист трактует глубинное значение континуанта и.-е. основы **dhwer-*

«дверь» как обозначение границы, видимой изнутри дома, между внутренним и внешним пространством, «двором», вот откуда берет начало семантическая общность индоевропеизмов *двор* и *дверь* [11, с. 196]. Такой взгляд на двор «из дома через дверь» и наличие антонимичных наречий *дома* – *на дворе* (ср. также лат. *domi – foris* «дома – на дворе», англ. *outdoor* «на дворе») позволяет трактовать семантику слова *двор* как «пространство за дверью дома, не дом». Отсюда вытекает категориальный вывод о том, что дом – это жизнь, а его двери – вход и выход в небытие. Дом Бабы Яги без окон и дверей – это гроб, домовина.

Основное содержание оппозиций *внутренний/внешний* (*дома/на дворе*) – выделение внутреннего замкнутого пространства, гарантирующего защиту от опасности внешнего мира, посему она пересекается с оппозицией *свой/чужой* и оценочным принципом членения мира, в связи с чем выявляется защитная функция дома. На семантике этой функции основан обычай на Пасху и другие большие праздники не выходить из дому. В универсальной пространственной оппозиции *внутренний/внешний* дом преимущественно выступает носителем признака «*внутренний*». В доказательство этого румынский фольклорист А. Горovej в труде «Верования и суеверия румынского народа» приводит запрещающий обычай смотреть внутрь дома через окно, вследствие чего либо дом может разрушиться, либо у смотрящего заболит глаз [7, с. 114, 125].

Оппозиция *внутренний/внешний* перетекает в категории *свой/чужой*. В антропоцентричном субъективном восприятии через оппозицию *хороший/плохой* квалифицируются все остальные, и таким образом *свой* и *внутренний* воспринимаются как позитивно коннотированные, а соответственно *чужой* и *внешний* – как негативные (*добре тому, хто в своєму дому*).

Осуществив анализ категориальных оппозиций, воплощенных в фольклоре, Т. В. Цивьян приходит к выводу, что оппозиция *внутренний/внешний*, *принадлежащий дому/принадлежащий внешнему миру* может интерпретироваться также и как оппозиция *принадлежащий культуре/не принадлежащий культуре* (неочеловеченный, негуманизированный) [7, с. 114]. Стало быть, в определенном контексте дом есть символ, синоним культуры, результат освоения человеком окружающего мира, гуманизации пространства.

Открытый/закрытый

Оппозиция *внутренний/внешний* детерминируется и противопоставлением *открытый/закрытый*, которая частично манифестируется оппозицией *вход/выход*. На этом противопоставлении построено множество загадок, как-то: *ежедневно выхожу на двор и всегда дома* (улитка), *постоянно хожу, а из дому не*

выхожу (часы). Внутренний интерьер, куда человек входит и где закрывается, – это его собственное контролируемое пространство, гарантия его безопасности и ощущение защищенности (*вдома і стіни помагають*). Отсюда метонимическое название помещения *покои*. Однако выход во внешний мир – необходимое условие обеспечения жизни человека (*Хата хлібом не нагодує; На ката й хата, як топить нічим; Нужда з хати вижене; Нестатки гонять з хатки; Само нічого до хати не прийде, крім біди; Добре лежать на печі, як є в хаті калачі*), поэтому дом должен не только закрываться, но и открываться, дом без выхода – гроб. Таким образом, человек не столько живет в доме, сколько постоянно возвращается домой. Тут кстати вспомнить мотив вечного возвращения Одиссея домой, а на самом деле – к себе самому, но обновленному, опытному, другому, что содержит экзистенциальный метафорический подтекст о жизни как выходе из дому и смерти как возвращении домой. Чтобы гарантировать человеку не только безопасность, но и возможность существования, дом должен выпускать жильца, т.е. осуществлять связь с внешним миром.

Свой/чужой

Определяя расположение в физическом пространстве, оппозиция *внутренний/внешний*, трансформированная в смысловом аспекте через человека «как мерило всех вещей», тесно смыкается с оппозицией *свой/чужой*, толкуя ее в более широком антропоцентрированном плане. Формально они объединяются через дом: то, что в доме – свое, что снаружи – чужое, при этом дом трактуется как мир человека вообще. В этом контексте ключевую роль выполняет вход в дом – *двери, порог*, включенные в оппозицию *целое/часть* по отношению к дому. Поэтому румыны кладут подкову на пороге, чтобы она взяла чары на себя, если кто-нибудь наколдует [7, с. 124]. В этом заключен и смысл архаичного обычая переносить невесту в дом жениха на руках, чтобы порог (или духи предков, погребенных под ним) приняли ее за свою, из этого дома, а не за чужую, пришедшую извне, переступив порог.

Переступив порог родного дома, человек отправляется во внешний, чужой и опасный мир. Порог – это символическая граница между своим и чужим пространством, отсюда запрет здороваться, передавать что-либо через порог.

Продолжают оппозицию *свой/чужой* противопоставления *гость/враг, гость/хозяин*. Приведем по этому поводу внутреннюю форму лат. *hospitium*, «убежище, приют, комнаты для гостей, гостиница», образованного от *hospes, -itis* «гость», давшего современное греческое наименование дома *спіті*.

Временные оппозиции

В картине мира временные оппозиции *день/ночь, утро/вечер* (входящие в противопоставления *свет/тьма, добро/зло*) тесно связаны с пространственными, в частности, с оппозициями *внутренний/внешний, открытый/закрытый*. Пребывание человека в доме регламентируется временем. Поэтому согласно балканской традиции на ночь следует закрывать окна и двери, задвигать занавески. В человеческом опыте ночь, темнота связаны с опасностью, поэтому ночью следует находиться в запертом доме, а выходить днем. Так, в румынском фольклоре дом уподобляется наседке, которая ночью цыплят собирает, а днем выпускает [7, с. 77, 180]. В другом концептуальном ракурсе возможно сопоставление дома с жильцами, неба со звездами, дня с ночью: болг. «*наседка желтых цыплят вечером выпускает, утром собирает*», мак. «*белая курица днем цыплят выпускает, черная курица ночью цыплят забирает* (день и ночь)» [8, с. 78].

Инклюзивность

Дом – контейнер

В балканских загадках часто содержится представление о доме как емкости, наполненной живыми существами, ср. алб. «*собравшись в лесу, сидит народ, закрытый сверху*» или «*корабль с мухами внутри*». Этот признак дома описывается в рамках оппозиций *полный/пустой* и *живое/неживое*. С домом отождествляются *часы* с «живым» механизмом внутри, *куколка шелкопряда* («дервиш в молельне»), а также *улей с пчелами, муравейник с муравьями, рот с языком* (живым, «гуляющим и кричащим»). В эту схему вписываются и загадки о *душе в теле* человека, где душа – птица, заключенная в доме, комнате, сундуке, клетке, из чего следует: если птица улетит, то и клетка не нужна. Итак, дом эксплицируется через различные емкости: сундуки, корзины и т.д. Любая емкость, где выделяются внешняя оболочка и содержание, может быть представлена в загадке как дом. Эту модель чаще всего манифестируют классические интернациональные загадки о плодах с семенами внутри: «*Без окон и дверей, полна горница людей*». Самый распространенный вариант этой загадки «*двое, четверо, много людей, детей, братьев, воинов, монахов, цыган и под. в одном доме, под одной крышей*» и т.п. [8, с. 72–73].

Персонафикация

Живое – неживое

Описание фольклорной картины мира строится на проекции одного фрагмента на другой. Такой экономный способ не только обеспечивает полноту и простоту описания, но и позволяет выяснить глубинные семантические отношения на парадигматическом уровне с помощью универсального приема – описы-

вать *живое* через *неживое* и наоборот. Это в конце концов приводит к пониманию зыбкости грани между живым и неживым, перетекания одного в другое, что актуализируется в определении дома и человека. В описании дома через живое Т. Цивьян обнаружила приметную особенность. Дом, как правило, представляется в виде домашнего животного либо птицы, чаще всего мертвой. Этот образ распространяется и на людей в доме, представленных птенцами или детенышами животных. Таким образом дом уподобляется матери, а его жильцы – детям.

Если дом представляется через неживое (*овоц, муравейник, корабль*), внутри емкости находятся либо животные, либо их части – внутренности. Элементы дома могут отождествляться с человеком, причем используются термины родства (ведь дом синонимически связан с семьей): *родители – дети, братья – сестры, дед – баба*, что отражает не только связь элементов между собой, но и их иерархичность. Кроме терминов родства, употребляются другие идентификаторы человека: антропонимы, обозначения по нации, расе (*арав, цыган*), возрасту, социальному статусу (*хозяин*). В свободном чередовании с человеком в загадках используются образы различных животных, преимущественно домашних: *конь, вол, мул, корова, курица, утка* и т.д. Неживые предметы встречаются реже, обычно они принадлежат к предметам домашнего обихода, связанным с человеком и домом. Набор номинативных единиц, посредством которых подается дом и его элементы, ограничен. Если можно говорить, что он неслучаен, то эта неслучайность определяет связи *живого* и *неживого* [7, с. 81].

Связь с живым настолько существенна для дома, что вследствие его неподвижности ему приписывается признак «умерший», т.е. бывший ранее живым, а не неживым априорно. Согласно свидетельству Т. Цивьян, преимущественное большинство загадок о доме вследствие наличия в нем жильцов зиждется на метафоре «живое существо умерло, а внутренности его живы», как например, в болг. загадке: *мрътва кобила, живи черва*, рум. *am o găină moțăiță și vorbește rărunchii din ea* («у курицы чубатой внутренности разговаривают»). Возможен образ, как в македонской загадке: *стоя кања, та не се клања, чека мртви до излезат* (*куката и човеците*).

Живое существо, представляемое домом, – это, как правило, домашнее животное или птица большого размера женского пола (*корова, кобыла, курица*). Следующий этап – персонафикация, проявленная в отношении дома к людям как *матери к детям*, которых она охраняет. Признак *женский, материнский* не только эксплицирует *защитную* функцию дома, а и содержит параллелизм, уподобление внутреннего пространства дома материнскому лону: алб. *корова сдохла, а телята живы*. Часто дом с жильцами зага-

дывается через наседку с цыплятами: болг. *под мрътва кокошка живи пилета*, мак. *мертва квачка, живи пилина*, рум. *puii vii, cloașca moartă* («цыплята живы, наседка мертва» или «наседка из дерева, цыплята из кожи»). Случается и контаминация с представленной выше моделью «внутри кабачка разговаривают его внутренности».

Оппозиция *мертвый/живой* распространяется и на многочисленные загадки о корабле, сравниваемом с движущимся домом: гр. *ἀψυχὸς ψυχῆ δὲν ἔχει μα ψυχὴς παίρνει καὶ φεύγει* («неживой души не имеет, а души берет и бежит»), мак. *мертви живого носи, душа нема, души носи* и т.д. Следуя этой логике, мертвый человек дому уже не принадлежит: болг. *всички за него плачат, в къщи го не рачат* (покойник) [7, с. 76].

Прием персонификации – описание живого через неживое и наоборот – используется и для предикации объектов через дом. Связь с живым выступает на первый план, когда дому уподобляется *улитка, черепаха, улей, шелкопряд в коконе, язык во рту, душа в теле*. Если загадывается неживой предмет, ему приписывается признак живого: болг. *овоци с людьми внутри* (дом); *дед, девушка внутри дома* (печь); *дед на крыше* (труба); *спицы вяжут чулок* (братья строят дом); *два столба дом держат* (ноги); *яйцо, содержащее в себе живое* (наседка на яйцах) *ждет, пока выйдут мертвые* (дом) [7, с. 76].

Поскольку дом – это место, где начинается и заканчивается жизнь, он выступает посредником между этим и тем светом.

Метафорический переход физического пространства в метафизическое, персонификация

Дом – Вселенная – человек – женщина – мать

Т. В. Цивьян отмечает, что в фольклорной модели мира дом является одной из краеугольных семантем. Прежде всего, дом – это связующее звено между разными бытийными уровнями в сознании человека. С одной стороны, дом принадлежит человеку, воплощая его целостный предметный мир, с другой – дом связывает человека с внешним миром, будучи в определенном смысле репликой внешнего мира, соразмерной с человеком [8, с. 65]. Итак, дом – это не столько жилище, сколько центр своего мира, замкнутое, защищенное и защитное пространство, одновременно обеспечивающее выход наружу и контакты с внешним миром, это граница своего и чужого мира [7, с. 10]. Надаром мы говорим: «Я у себя, приходи ко мне».

Ассоциация в загадке реализуется метафорической дефиницией объекта через другое. Это фундаментальное противопоставление исходит от человека как точки отсчета, презентуется антропоцентрично, по-

скольку один из определяющих этапов освоения человеком мира есть отделение себя от другого. Оппозиции *я/другой* устанавливают место человека в мире на основании понятия *другое* [7, с. 8–9]. Анализируя основания отождествления человека с домом, Г. М. Яворская отмечает, что речь идет не только и не столько об антропоморфизме дома, а о том, что человек и вся его жизнь измеряется домом. При таком ракурсе в фокусе анализа оказывается не дом как сооружение, а дом как способ обустройства человеческой жизни, как способ организации и заселения, гуманизации пространства [12, с. 17]. Т. В. Цивьян приходит к подобному выводу о том, что в балканских загадках речь идет не только об обычном лицемерии, а о глубинных связях дома в его различных ипостасях с человеком [7, с. 74].

Структура дома уподобляется структуре Универсума, как, например, в загадках о небе и звездах: *на потолке свечки горят; полный чердак яиц или орехов; на чердаке рогожа, полная орехов*. Дом – это модель мира, приспособленная к масштабам человека и созданная им для жизни. В оппозиции *макрокосм/микроскосм* первый член характеризуется несоразмерностью с человеком, другой – соразмерностью, связью с человеком. Открытость, неограниченность внешнего мира связана с неопределенностью, хаосом и опасностью для человека. Именно поэтому человек замыкает пространство вокруг себя, лишь там чувствует себя спокойно, поэтому дом ассоциируется с покоем (снова напомним внутреннюю форму лексемы *покои*). Человек находит защиту в ограниченном, небольшом и контролируемом пространстве дома. Принадлежность человеку – архетипный функциональный признак дома; дом существует постольку, поскольку существует человек. Статус дома предполагает обязательное присутствие в нем человека. Главная функция дома – защита. Дом защищает человека от внешнего мира и обеспечивает его связь с внешним миром. На этом основании происходит уподобление материнскому лону – защите от враждебного внешнего мира, но одновременно и начальной, нулевой точке отсчета, откуда каждый из нас выходит в мир. Поэтому в балканских загадках часто отношение *дом/человек* представлено отношением *мать/дитя*. Признак *женский, материнский* выявляет защитную функцию дома и связь *дом–мать*. Грамматически это проявляется в том, что названия дома в и.-е. языках преимущественно женского рода. Таким образом, структурируется ассоциативная модель «дом – человек – мать», одновременно близкая к оппозиции *мертвый/живой*. Вместе с тем уподобление дома материнскому лону указывает и на возвращение в земное лоно, откуда уже выхода нет, что иллюстрируется балканскими загадками о домовине как «неправильном» доме без выхода. У римлян могила ев-

фемистически определялась как *domus aeterna* («вечный дом»). В албанских загадках могила косвенно эксплицируется как тесный дом, полный костей, либо как дом без окон и дверей; в македонских – как дом, в который заходят, но больше не выходят: *в енго само се влегвит, а не се излегишит* [7, с. 76]. На этом основании возникает стойкая структура *дом – жизнь/смерть*.

Компаративность

На основании сравнений (*великий як дѣм; такий сильний, що носить дѣм на спині; дѣм має, а не людина* (улитка)), а также оксюморонных загадок «от противного» про «не-дом» (*дом, который хозяин носит с собой на спине* (раковина улитки, панцирь черепахи), *що за дѣм, який в одну мить поставили, в одну мить убрали і на коня поклали?* (цыганский шатер), дом, привязанный к дереву (скворечник), *дом, который выходит через окна* (вода в рыбацкой сети), *дом, который движется* (корабль)) проявляются основные концептуальные признаки дома в славяно-балканской картине мира: *большой, объемный, крепкий, стабильный, недвижимый* (т.е. имеющий постоянное фиксированное место), *принадлежащий человеку*. С другой стороны, объекты с фиксированной локализацией, неподвижные, отождествляются в загадках с домом, который определяется как недвижимость: «дом, стоящий на одной ноге» (гриб, капуста).

На основании изложенного можно констатировать, что дом в славяно-балканской картине мира концептуально един и описывается таким набором семиотических оппозиций на категориальном уровне: *мертвое/живое, внутреннее/внешнее, закрытое/открытое, верх/низ, полный/пустой, подвижный/неподвижный, большой/маленький, свой/чужой, жизнь/смерть, ночь/день, хозяин/гость, мать/дитя*. Главная характеристика дома – это его двойная связь с человеком: с одной стороны, дом – продукт человека (принадлежность к артефактам культуры), и одновременно человек – дитя родного дома-защитника. Основные качественные признаки дома – *замкнутость, объемность, наполненность*. Категориальные оппозиции как дифференциальные признаки в семантике, как фреймы концепта переплетаются и переливаются друг в друга. Переплетение космо-

гического и антропоморфного кодов основано на единстве человека и Вселенной. Дом связан с концептами начала/конца, рождения и смерти, следовательно, с вечным продолжением жизни, традиций, этнической памяти, человеческой любви. Отсюда и архетипность дома.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : УРСС, 2004. – С. 387–415.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М. : МГУ, 1996. – 245 с.
3. Режабек Е. Я. Когнитивная культурология : учеб. пособие / Е. Я. Режабек, А. А. Филатова. – СПб. : Алетея, 2010. – 311 с.
4. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии : учеб. пособие / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2000. – 123 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание : на пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 512 с.
6. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М., 1984. – 350 с.
7. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян ; [отв. ред. В. Н. Топоров]. – М. : Наука, 1990. – 207 с.
8. Цивьян Т. В. ДОМ в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) / Т. В. Цивьян // Семиотика культуры : труды по знаковым системам. X. – Тарту, 1978. – С. 65–86.
9. Фразеологічний словник української мови : у 2 т. / Л. С. Паламарчук [и др.]. – Киев : Наукова думка, 1993. – Т. 2. – 980 с.
10. Дикционар фразеоложик молдовенеск-рус / алк. де В. П. Соловьев, В. А. Соловьева. – Кишинэу : Лумина, 1976. – 237 п.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика : учеб. пособие / Э. Бенвенист ; под ред. Ю. С. Степанова ; пер. с фр. Ю. Караулова. – М. : Прогресс, 2004. – 447 с.
12. Яворская Г. М. О концепте ДОМ в украинском языке / Г. М. Яворская // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 716–728.

Киевский национальный лингвистический университет

Паикова Н. И., кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания

E-mail: pani_@i.ua

Тел.: (38)044-518-50-35

Kyiv National Linguistic University

Pashkova N. I., Candidate of Philology, Associate Professor of the General Linguistic Department

E-mail: pani_@i.ua

Tel.: (38)044-518-50-35